

Шляпкин И. Василий Петрович Петров, «карманный» стихотворец Екатерины II. (1736-1799). (По новым данным). // Исторический вестник, 1885. – Т. 23. - № 11. – С. 381-405. – Сетевая версия – И. Ремизова, 2007.

ВАСИЛИЙ ПЕТРОВИЧ ПЕТРОВ,

«карманный» стихотворец Екатерины II.

(1736—1799).

(По новым данным).

Пушкин начинает свое шутовское послание графу Хвостову следующими словами: —

«Султан ярится. Кровь Эллады

По камням скачет и кипит» —

и внизу в виде примечания иронически прибавляет: «выражение нашего знаменитого лирика В. П. Петрова». Это мало известное имя принадлежало видному в свое время деятелю екатерининской литературы. Он забыт и забыт, быть может, не вполне справедливо, хотя нельзя не сознаться, что невольная улыбка является при чтении стихов в роде следующих:

Смесьившись с кровью, Понт густеет

И вержет на брега срацин,

Стамбул от страха цепенеет,

Ярится в злобе солнцев сын.

При этом русские разят турок, как

Бурный ветер, дохнувший хладом,

В полете гнусных мух разит ¹⁾).

Об этом-то «лирике» и намереваюсь я сообщить кое-какие новые сведения, не лишние для характеристики второстепенных деятелей блестящего по внешности века Екатерины 2).

¹⁾ Ода на взятие Хотина, 1769 года.

2) Сведения эти почерпнуты из собственноручных неизданных писем Петрова, мне принадлежащих. За сообщение библиографических указаний

382

Детство и юность поэта были тяжелыми для него временами.

Василий Петрович Петров родился в Москве, в 1736 году. Фамилия отца его, бедного священника, была Пospelов, но дядя, для различия трех Васильев Pospelовых, велел им прозываться по фамилиям отцов, отчего и поэт наш получил фамилию Петрова. Отца наш поэт потерял в раннем детстве, мать тяжелою работою добывала хлеб насущный. Жил он с матерью и сестрою в избенке, и тут при одинокой свече занимался самообучением так усердно, что мать нарочно тушила свечу, чтоб прекратить занятия сына. По смерти матери Петров отдал все имущество сестре, выпросил себе старый войлок для постели и переселился в Заиконоспасский монастырь, в помещавшуюся там духовную академию. Занимался он хорошо, но, благодаря своей смелости и веселому нраву, нашел себе противника в главном своем наставнике, кажется, префекте Константине Бродском (1749—1753). Префект, не обращая внимание на семнадцатилетний возраст Петрова, жестоко его отпорол. Петров не выдержал и убежал из монастыря в Петербург. Здесь он приютился у какого-то родственника и изучал «творения Virгилия и Гомера». Между тем, в академии был назначен новый ректор. Петров воротился и, благодаря своим блестящим способностям, снова был принят. Зависть товарищей, между прочим, и будущего митрополита Платона, изобретателя единоверия, указывала на его бегство, как на ужасное преступление, но ректор держал его сторону. Петров шел отлично, особенно по риторике и новым языкам, и благополучно кончил курс в 1760 году. В следующем году, он был определен учителем синтаксиса, в 1763 поэзии, в 1767 риторики. Педагогические обязанности Петрова сводились, впрочем, не на одну синтаксису или риторику: учителя этих предметов, кроме экзерцициев по своей специальности, читали начала арифметики, Целляриеву географию, Голбергову университетскую историю и пр. Еще во время своего студенчества, по словам М. А. Дмитриева ¹⁾, Петров познакомился с Г.А. Потемкиным, вероятно, в бытность последнего студентом Московского университета (до 1760 г.).

приношу благодарность уважаемому П. А. Ефремову и С. Н. Шубинскому. Главными источниками для нашей статьи послужили: биография В. П., написанная его сыном в «Соревнователе Просвещения», 1818, I, «Собрание сочинений В. П.», Москва, 1811 г., в 3-х частях, и отдельные издания од и других сочинений, «История литературы», Галахова и Греча, «Русское чтение» Глинки, ч. I, письма, напечатанные в «Русском Архиве», в 1866—1868 году, «Библиографических Записках», 1859, № 19, «Москвитяине, 1841, № 6; отдельные наброски и заметки Афанасьева, Плетнева, М. А. Дмитриева, кн. Вяземского, Хемницера, Новикова, Муравьева и мн. др. Письма, у нас находящиеся, вошли в эту статью целиком без всяких изменений.

¹⁾ «Мелочи из запаса моей памяти», 23—25, 120.

В свободное время наш писатель самостоятельно изучал еврейский язык и классиков и, в силу духовного регламента, приказывавшего «делать некия акции, диспуты, риторския экзерциции что зело полезно к наставлению и резолюции, сие есть честной смелости», — говорил по воскресным дням проповеди, между прочим, и против раскольников. Проповеди эти произносились публично в ветхой церкви Заиконоспасскаго монастыря, где обыкновенно учитель пения со своими учениками пел духовныя канты. Речи Петрова, говорившаго величаво, при его видной наружности, имели большой успех. Учитель пения интриговал против него, но ректор поддерживал Петрова и сам приходил его слушать. Какая-то речь ему так понравилась, что он просил у поэта ее список, но оказалось, что все речи импровизировались на месте.

В 1766 году, в Москве, по случаю коронации, была устроена карусель. Карусель состояла из четырех костюмированных «кадрилий: славянской, римской, индийской и турецкой». Вот как описывается это торжество в «Московских Ведомостях» 1766 года: «Кавалеры старались показать искусство и доспех свой ристанием на коне, метанием жавелотов и действием прочих кавалерских в набегах военных орудий с необычайными адресами». При раздаче «прейсов» за грацию, «все зрители вошли нечувствительно в разбор подробный прямых действий, а потому и находили истинную пользу, которую сим нечувствительным образом премудрые государи вводят в народах своих чрез посредство приятности и увеселения».

Князь Н. В. Репнин хотел, чтоб это увеселение было «воспето, как следует». Н. Н. Бантыш-Каменский, бывший товарищ Петрова по академии, пригласил Петрова: «Что ты, братко, все сидишь, а ничего не высиживаешь? Напиши-тко стихи на карусель, князь Репнин тебе за это будет благодарен». Петров написал оду в 28 строф, по всем правилам пиитики. Из этой оды, давно забытой, помнятся обыкновенно два стиха:

«Я слышу странной шум музыки:

То слух мой нежит и живит»

Ода, как и все тогдашняя ода, льстива, напыщенна и скучна, но Екатерине она понравилась. Она пожаловала Петрову золотую табакерку с 200 червонных и право носить шпагу. Еще важнее были слова императрицы: «я не забуду Петрова». Вероятно, дело не обошлось без влияния Потемкина.

«В святилище добра я провожден тобой,

Питомец счастливый Минервы стал самой», —

говорит сам Петров.

Впрочем биограф, сын поэта, рассказывает иначе: камергер князь Потемкин прочел стихи, пожелал лично узнать сочинителя

и заказал оду на случай сочинения проекта Нового Уложения (1767 г.). Петров, имевший, по выражению профессора А. Ф. Мерзлякова, «особое искусство хвалить», поднес эту оду императрице. Стихи были напечатаны in 4°, на любской золотообрезной бумаге, и носили следующее затейливое заглавие: «Ода всепресветлейшей, державнейшей, великой государыне Екатерине Алексеевне, самодержице всероссийской, премудрой законодательнице, истинной отечества матери, которую во изъявление чувствительнейших сынов российских радости и искреннейшего благодарения возбужденного в сердцах их всевожделенным манифестом, в пятое лето благополучного ея величества государствования изданным, о избрании депутатов к сочинению проекта Нового Уложения, приносит всенижайший и всеподданнейший раб В. П.». Поэт благодарит Екатерину за то, что она,

Щадя, как мать, своих людей,

Во основание закона

Любовь с высоты шлет трона,

Любовно начинает суд,

Дарует своему народу

Писать, что чувствуют, свободу

Да сами облегчат свой труд?

Судьба комиссии Нового Уложения достаточно показывает, на сколько эти строфы оправдываются историей. Для нашего времени трудно перечитать эту оду из 28 строф, по 10 строк каждая, наполненную изысканною лестью. Впрочем, оды эти вызвали протесты против себя еще в XVIII столетии. Не говоря уже о «Наибе» Крылова (1792) и «Чужом толке» Дмитриева (1795), приведем слова Княжнина из послания к Дашковой (1783):

Я ведаю, что дерзки оды,

Которы вышли уж из моды,

Весьма способны докучать:

Оне всегда Екатерину,

За рифмой без ума гонясь,

Уподобляли райску крину!

Нельзя не заметить в последних словах намек на Петрова, у которого цветут прекрасные крины, где блещут светлые лучи Екатерины (Сочин. В. П., III, 339), оливы цветут и благовонные крины, где скиптр и трон Екатерины (III, 37), и Бог насаждает в людях крины законами Екатерины (I, 20) и пр. Пока двор был в Москве, Потемкин часто посещал Петрова и проводил целые ночи в разговорах с ним. Петров сам упоминает об этом в одной из посвященных Потемкину од:

Ты преня вел со мной о промысле и роке,

Мать будущего князя пеняла Петрову, что он совсем завладел ею сыном. Так было до отъезда двора в Петербург. Петров снова остался один. Им овладела мысль о путешествии за границу. Знакомые купцы, детям которых он давал уроки, предложили ему по тысяче рублей для поездки. Он уже собрался ехать, как вдруг митрополит объявил нашему поэту о вызове его ко двору. Как он был принят, видно из его позднейшего письма об отставке. «Я тот маленький подданный», — писал он: — «котораго монархиня за 30 лет пред сим взяла из убогой хижины и посадила подле себя; как мать, исправляя недостатки моего воспитания, соделала меня удобным к служению ея». В том же 1768 году, Петров был сделан переводчиком при кабинете ея величества и исполнял должность чтеца при императрице. Тогда же он начал сотрудничать и в журналах: «Ни то ни сию», «Парнасском Щепетильнике» и друг. Начались и журнальные атаки на нашего поэта. «Смесь», журнал, несправедливо приписываемый Новикову, поместил у себя разбор оды на карусель и, по тогдашнему обычаю, коснулся и самого автора. «Он (Петров) столько горд, что и разсудок презирает, ему нет до него нужды, а надобны только стопы и рифмы, ибо в его стихах музыки рев бодрит и нежит дух; в предсердии кипит кровь; герои все локтями сверкают, челом махают и дух его героям плещет... превознесенный хвалами думает о себе, что он превосходит Пиндара, затем что обучал риторике не знаю в каком монастыре и вытвердил наизусть всего Виргилия... Некоторый господин (Потемкин) пуще всего избаловал известнаго нам умника, сказав, что он больше имеет способностей, нежели славный наш лирик (Ломоносов). По-моему, сходнее сказать, что муха равна со слоном, нежели сравнять нескладныя и наудачу писанныя его сочинения с одами нашего славнаго стихотворца». Надо заметить, что в это время, в 1769 году, журналы вели самую отчаянную полемику между собою по вопросу о сатирической литературе, причем позволяли себе массу личных намеков — явление, как известно прогрессивно идущее и в наше время. Петров не остался в долгу. У нас сохранился черновой список послания его к Екатерине. Многие стихи из него вошли в другие его произведения (особенно в послание к Потемкину и к N. N. из Лондона), но само оно до сих пор было неизвестно.

Прияв, монархиня, писать к тебе отвагу,
Я долго мыслил, чем наполнить мне бумагу.
Дух влек меня писать, но страх смущал вельми,
Что смелость без ума опасна пред царьми!
Я многократ перо брать в руки покушался,
И многократ в словах и в рифмах я мешался—
Знать, более служить не хочет мой Пегаз,

Знать, музы шлют, возмнил, с Парнасса мне отказ.
Вздыхнул, как пред меня богиня вдруг предстала
И очи мысленны мне светом облистала;
Безхитростна краса в лице ея цвела,
Не знаю, Муза ль то, иль Грация была.
Возревши на меня, сколь помню я, умильно:
«Что рифмы ты, — рекла, — влечешь в стихи насильно?
Не вымысл, не восторг, любезна простота—
Прямая ваших есть сложений красота.
В пиитах мало сей поклонников богине,
Ты кличь ее всегда, пиша к Екатерине:
Я знаю нрав ея, та мной воздоена
И теми ж мыслями, как я, напоена!»
То рекши, божество невидимо вдруг стало.
В восторге, радостно мне сердце трепетало:
Любимец я судеб! — опомнясь, я сказал,—
Во свете рифмослов толь щастлив не бывал;
Я современных честь, я зависть у потомства,
Что может выше быть с богинями знакомства?
Одна в явлениях мне смысл толчет в главу;
Другая деньги шлет и щедрит на яву.
Благодарю небес, что я не ратоборец,
Не стряпчий, не судья, не пахарь, не князь, но — стихотворец;
Славнее нет сего и краше мастерства—
Не царска милость то, дар щедрa естества.
То вестно на Руси и вестно за морями—

Пиит родится в свет беседовать с царями;
И как, монархиня, я дело разсужу,
Я сходство близкое—в нас с вами нахожу:
Всевышнему цари подобятся во многом—
Так, обща речь гласит, пииты полны богом;
Народных должен царь владетель быть сердец,
Не то же ль всякой есть, иль хочет быть певец?
Велению царей все подданны послушны —
Нам весь покорен свет словесный и бездушный.
Монархи меж собой не редко брань творят —
Военных духом все писатели горят;
Есть ратники меж них, и воинства их тьмами!
Не в давне жарко был я встречен сам умами:
На стихотворный я лишь выступил театр,
Завыл на воздух град литых сатирой ядр,
Трещали надо мной чинены бомбы лжами,
Рекою желчь лилась, густел эфир пыжами—
Казалось, меркнет свет от хмуренья и гроз;
Тут был я от стихов, там осажден от проз;
Соперники мои во бранях застарелы
Со всех сторон в мой стан спускали метки стрелы;
Был каждый Аристарх и каждый Боало;
Знал каждый, что серо, черно, бело, ало.

Влекли их в узах в плен, при звуке труб, злодеи,
Чтоб выманить меня молчанья из окоп,
Куда они своих не заносили стоп!
Я тяжесть сей дотоль выдерживал осады,
Пока противники надорвались с надсады:
Военный, обветшав, издергался снаряд,
Их выстрел редок был и больно тощ заряд.
От копоти мою освободивши лиру,
Склонились, наконец, к торжественному миру.
Был сейм и в той едва условились статье—
Чтоб в море рифм моей был вольный ход ладье;
Дел наших дневники положены в архивах,—
И вестна наша брань в Америке и в Хивах.
По царству мирному молва, однако ж, шла,
Глубока будто тут политика была;
Чтоб я число чтецов им в тягость не умножил,
Проклята зависть их и сильной страх тревожил,
Чего для мне во вред составили союз:
Взвели, что я пишу против хотенья муз,
Мне не дал Аполлон ни жару, ни разсудка,
Не лира у меня орудие, но дудка;
Но как, к несчастью им, свет был не вовсе глух
И прю сию по мне решил немногих слух —
Сердцами распыхав, ударили тревогу
И неповинному брань объявили слогу;
Текли разбить его чело, крыле и тыл,

Чтоб жар писать стихи скорей во мне простыл!
Коль так, пииты суть—те ж власти остроумны,
Что для таких причин войны заводят шумны!
В последок о царях дают потомки суд,
Ту ж с ними честь певцы и жеребий несут:
Не всякой славу царь мог в вечность распростерти,—
Не всякой и пиит был славен с год по смерти;
Хоть в жизни принимал от многих плески рук,
Как царь приветства в знак из многих пушек звук;
Хвал наших в жизнь труба, знакомых нам ватага
Ревет, что мы уже бессмертия у прага,
Руками что уже касаемся верей!
Мы пишем; умерли — верст со сто от дверей!
Кто как ни умничай, то выдет напоследок:
Великий так пиит, как царь великий редок!

Так писать мог только человек близкий к Екатерине, и действительно из следующего можно догадаться, что Петров был очень близок к императрице. В том же 1769 году, открылась первая турецкая война, доставившая случай удалить Потемкина от двора под видом почетного начальства над отдельным корпусом; по другим источникам, он сам уехал в

388

армию волонтером. Петров провожал его искренними стихами, а не тем торжественным тоном, «который ставит», по выражению М. А. Дмитриева, «поэта перед вельможей и полководцем на разстоянии восторга и славы».

Превыше чаяний взнесися, мой орел,
Ты в поле из моих объятий полетел!

Потемкин уехал, но переписывался с Екатериной чрез И. П. Елагина и нашего поэта. Императрица, взявшаяся впоследствии сама за перо, вначале давала чрез них словесные

ответы. Близость к Потемкину видна и из следующего письма великолепного князя, находящегося в наших же бумагах:

«Друг мой Василей

Петрович!

«Третий день как все пишу и так устал что нет мочи к тебе много писать, затем простижь меня, да спасибо, ты и таво не пишеш.

«верный ваш слуга

«Потемкин.

30 марта. Краиов.

(сбоку) «Кланяйся Василию Ильичу, Алекс.: Ильичу (Бибиковым) Льву Александровичу (Нарышкину) и всем, кто меня любит, отчево шея у тебя не забалит потому, что их немного».

(Адрес: Государю моему Василию Петровичу Его Благородию Петрову).

Потемкин не забывал Петрова и в материальном отношении. Доказательством служит следующее письмо нашего поэта, безцеремонно величающего себя Гомером, к Потемкину.

«Милостивый

Государь

«Вчера в вечеру имел я щастие получить от Вас писание — не оцененный залог вашей к наукам любви и покровительства. Та рука, коя Турков поразила, дружелюбными строками меня утешает! Признаю Великаго Александра среди звука оружий и побед, помняща о Гомере. Так в образце моем есть одноокончателный стих: умея поправлять строи солдат, — Вы оной поправьте. Перевод сей больше будет ваш, нежели мой. Вы дарите мне дом: Вы тем опять сходны с Александром Великим. При разорении Фив он велел пощадить дом Пиндаров: вы мне в цветущем, где я родился, городе, на превеселом месте дарите собственный дом ваш. В том только разнища, что я не Пиндар и что не могу вас так воспеть, как он Диагора, щасливаго борца, бойца и ристателя; не могу воспеть Вас, Турков перуна на земли и на море и неслыханнаго градоборца. Но я недостаток Пиндарова пыла награждаю усердием

389

к Вам и как пчела около благовоннаго цвета жужжу, увиваясь около Вас. За безсмертия лавр почту я, ежели угожу хотя одной мыслию вашему просвещению, и простотою слога где либо двигну вашу великую душу. Я послал к вашей светлости мою оду, и думаю, вы ее уже прочитали изволили. Теперь смею послать Вам безделку, для забавы прочтите только начало и конец. К Государыне я не смел ее послать, как тово нестоющую. Она у меня напечатана давно, и ваша светлость ее первые видите. Вашей светлости милостиваго государя нижайший слуга В. П.».

Восхваляя Потемкина, Петров восхвалял и его соперников — Орлова, Румянцова и других и им подносил свои долги оды. Любопытно, что впоследствии он не включил их в собрание своих сочинений (1781 г.). Так остались пропущены ода Г. Г. Орлову 1769 г. и письма ему же (1769 г.). Все эти оды изображают: колеблющееся море, ревущия волны, бурные ветры, сокрушение кораблей, страх плователей, неприступныя горы, непроходимыя стремнины, поля, багровеющия кровию, треск оружия, радостныя восклицания, жалостный вопль, плеск и рыдание, разрушение городов, крик победителей, стон побежденных, свирепство и наглость воинов, робость и ярость пленных или стремящихся с гор источники, зеленеющие луга, приятныя рощи, прохладную тень, пение птиц, положение холмов и долин, шум ручьев, голос свирели, благоуханныя крины и прочее, причем действующими лицами являются чуть ли не все боги и богини густо населеннаго Олимпа. Конечно, эти оды увеличивали число покровителей нашего поэта, но, не смотря на эти успехи, Петрова тянуло за границу. Он постоянно надоедал своими просьбами императрице, которая не хотела отпустить от себя умнаго и красиваго чтеца. Наконец, в 1772 году, отправляя в Англию Г. И. Силова, она отправила и Петрова, оставив ему его жалованье. Некоторые полагают, что Петров уехал в угоду Потемкину, поступив, конечно, с большим тактом, но вряд ли это верно. Сведения о Г. И. Силове, с которым наш поэт близко сошелся и которому писал свои послания, очень скудны. Из письма Силова, напечатаннаго в «Библиографических Записках», т. I, стр. 329, мы узнаем, что он был сирота, пользовался покровительством Екатерины и был послан в Англию для изучения математики. Мы можем сообщить еще одно письмо Галактиона Ивановича к императрице, небезынтересное для обрисовки тогдашних понятий и для пополнения сведений о друге Василия Петровича.

«Читая Ваше всемилостивейшее письмо, какую радость должен ваш щенок ощущать? Всякое слово в оном являет Вашу милость и пронизает его благодарностью. Чувствуя ее ве-

ликость, с прискорбием плачу, что не вижу возможности заслужить оную. Чем должен я за оную воздать? наичувствительнейшою благодарностью и готовностью жертвовать Всемилоостивейшей матери (sic) моею жизнью. Какая слава для варварскаго школьника, что Екатерина Великая, той же десницей, коей Она лишает у Турков областей Крима и Чернаго Моря, снисходителъствуеет писать к нему! Ваше Величество изволили слышать о моей женидьбе; сие известие справедливо; я сочетался браком; Ваше Величество теперь говорите: «смотри пожалуй, екой щенок»; но, по моему нещастию, супруга моя очень неугомонна и сильно ломает мою голову; зовут ее математикой, и уповаю получить в приданое Вашу похвалу, которая превосходнее для меня тысячных годовых доходов. Я не помышляю еще о прямой женидьбе, хотя уже и наставлен правилам Вашего Величества о воспитании детей, изведав их своим собственным опытом. Лишь только мой сын станет мучить муху, тогда я у него спрошу: «будет ли он доволен, ежели кто его так же будет теребить»? а между тем буду удивляться и обожать Ваше великое милосердие даже до скотов. Хотя Ваше Величество, я и не вырос с гранодера, однако всегда буду с ними впереди; дух мой, возхищенныи благодарностью, устремит меня всегда перваго к пролитию крови за Ваше Величество. Наполнен сим желанием, приготавливаю потому себя к военной службе. Искренно желаю Вашему Величеству благополучное путешествие в Москву: там все с возхищением падут к ногам Вашим, в том числе и мои варварские братья; Всемилоостивейшая Государыня, возрите на них матерними глазами; они теперь сироты, можетъ статья, когда возрастут, будут защита Государства. Еще осмеливаюсь

одобрить нашего здешняго священника, которому я имею великия обязательства, и которой своею добродетелью и ревностию к России всеми любим и почитаем; и ежели бы я имел то приданое, кое Ваше Величество изволили упоминать в Вашем и для меня предорогом письме, то бы верно половину онаго ему дал; понеже он очень мало жалованье получает, имевши великую семью. Поручая» и проч.

Едва ли Силов не происходил из простолюдинов. В послании к нему Петров, указывая на тщету гордости, говорит, обращаясь к дворянину

Иль мнишь — за душу пар вложен в простолюдина,

Во место крови дегть и в место сердца льдина?

Впрочем, эти взгляды не мешали Петрову сечь своих крестьян.

Петров скоро изучил английский язык и близко сошелся с многими знатными англичанами, которые за его наружность называли его «вывеской здоровья», хотя сам Петров постоянно жаловался на свои недуги. В Англии он переводил «Потерянный

391

рай» Мильтона, «О должностях» Томаса, изучал Аддисона и писал оды. Английское влияние сильно отразилось на нашем поэте. М. Н. Муравьев, полузабытый писатель прошлого века, так говорит о нашем поэте: «В. П. Петров, сколько я знаю, не говорит никогда о стихах, но можно ль, делая их такое множество выразительных и мастерских, об них не мыслить? Труднее гораздо иметь к нему доступ, чем к двум первым (Хераскову и Майкову). Он учтив по благопристойности, но сердце его хотело бы иметь свободу сказать: я не хочу с вами знаться. Разговор его свободен без разборчивости. Кажется, что он жертвует разуму чувствительностью. Лет 12 назад толковал он катехизис; ныне, кажется, он способнее толковать Лукреция. Это тот из наших стихотворцев, который знает наибольшее число языков, ибо он читает в подлинниках Гомера, Вергилия, Мильтона, Вольтера, без сомнения, Тасса и, помнится мне, Клопштока. Во время пребывания его в московской академии учил он еврейскому языку. Заметно по его образу мыслить и чувствовать, что он жил в Англии». В Лондоне написаны Петровым его лучшие сатирические вещи. Сатирический талант, хотя и не особенно глубокий, и составляет наиболее интересную сторону произведений Петрова. Высокопарный лиризм и резкая сатира как-то совмещались в писателях прошлого века. Тот же самый писатель, который писал оды на облицовку набережной, фейерверк, спуск корабля, восхвалял мызу Лагово и карая гатчинскаго пруда, — тот же писатель так выражался о равенстве людей:

Какая в обществе не выпала нам доля,

Наш разум с прочими равняет нас и воля...

Так подданны, цари, рабы и исполины

Первоначально все сотворены из глины.

Человек, возносивший в трескучих строфах придворных фаворитов, в то же время пишет:

Таков сей свет: герой чуть дышет в лазарете.

А трутень за стеклом кобенится в карете...

Коль сила есть, хоть глуп, наймися в батраки

И при больших местах есть люди дураки.

В те, кои строгая премудрость пишет святцы,

Хоть в лентах и звездах — не входят тунеядцы!

Но все это только блестящая внешность, фразы, либеральная комильфотность, при полной внутренней несостоятельности. Это отличительное явление века северной Семирамиды, умевшей писать наказы и раздаривать тысячи крестьян любимцам, переписываться с Вольтером и заточать Новикова и Радищева.

Между тем литературные враги Петрова не дремали. В 1772 году, вышел в Петербурге опыт исторического словаря о рус-

392

ских писателях Новикова, где о Петрове находится следующий отзыв: «Его стихи некоторыми много похваляются... вообще он напрягается идти по следам российского лирика и хотя некоторые и называют его уже вторым Ломоносовым, но для сего сравнения надлежит ожидать важного какого нибудь сочинения и после того заключительно сказать, будет ли он второй Ломоносов, или останется только Петровым и будет иметь честь слыть подражателем Ломоносова». Петров не остался в долгу: в своем послании к (императрице?) из Лондона, он, между прочим, говорит про словарь:

В нем монастырские запечны лежебоки

Пожалованы все в искусники глубоки:

Такой-то в эдаком писатель жил году —

Ни строчки на своем не издал он роду!

Сей надпись начертал, а этот патерик,

В том разума был пуд, а в этом четверик.

Словарник знает все, в ком ум глубок, в ком мелок,

Разсудков и доброта он верный есть оселок.

Кто с ним ватажился, был друг ему и брат,

Во святцах тот его не меньше как Сократ!

О други, что своим дивитесь работам —

Сию вы памятку читайте по субботам!

Надо думать, что в тогдашней литературе понимали положение Петрова, не смотря на обширную «льстивость» ложно-классического периода.

В 1774 году, Петров вновь «распалился пермесским огнем». «Припомня, — говорит он в письме к Екатерине, — что имел честь некогда слыть карманным Вашего Величества стихотворцем, за долг почел поздравить В. В. одою... но отложил предприятие до другаго времени, довольствуясь на сей случай похвалить избраннаго вашей славы сосуда Румянцева». Восхваление совершено в 800 стихах, в которых поэт «осаждает турков в разных городах одним приемом»; что это за осада, можно видеть из следующего.

Визиря извещают о возмущении черни вследствие голода такими стихами:

Голодну чернь держать в порядке невозможно —

Прости пшено и кофь, жаркое и пирожно!

Обеими ушьми визирь вняв весть сию,

«Скорей, сказал, скорей перо и хартию».

С прибором тут бахчи из всей метнулся силы

И пролил в торопях на визиря чернилы.

Такой страх нагнали русские герои, что визирь, макая перо в чернильницу,—«восемь раз в нее от страха не попал». В другой оде описаны и сами герои:

393

«Любимов там, Толстов, там жаждущий трофеев

Кольбакин, Робиндер и храбрый Аплечеев

Бросаются в огни, прескакивают рвы;

Гагарин, Аршеневск там мечутся как львы.

«Я хвалил Румянцева, — продолжает Петров, — как вдруг среди течения многих мыслей посланник наш объявил нам В. В. повеление ехать нам обратно в Россию. Благоволение В. В. дать мне дозволение держать руку мою с пером к столу пригвожденну, пока я дело не окончу». Тогда же и Силов писал к императрице, прося ее позволить ехать им чрез Францию. В своем письме он говорит о Петрове, как о человеке, «ободряющем к учению своим примером». Ответа не знаем, но Петров отправился из Англии вместе с «дюшессою» Кингстонскою во Францию, а оттуда чрез Италию и Германию в Россию, куда и прибыл в том же 1774 году «из дальняго похода не ранен и не бранен». Тотчас же

написал он оду по случаю Кучук-Кайнарджийского мира и препроводил ее к Екатерине с следующим письмом:

«Всемиловитейшая Государыня!

«Слабость здоровья помешала мне поздравить Ваше Величество благовременно (с) миром. Но я позднее сочинение сопровождая ранним усердием, льщусь, что ваше императорское величество удостоите воззреть на строки, — искреннюю жертву души, вашими победами восторгаемой, ваши добродетели обожающей В. И. В.

«Всемиловитейшей Государыни

«всеподданнейший Петров».

Императрица назначила его своим библиотекарем с жалованьем в 1,200 рублей и даже хотела сделать его докладчиком, но Петров отказался, ссылаясь на научные занятия. В это время он захворал, императрица тотчас прислала ему своих медиков. Собрался консилиум, и один врач объявил, что положение Петрова безнадежно; как только услышал он такую речь, тотчас велел везти себя в Москву. Здесь он выздоровел и чрез два месяца вернулся в Петербург.

К этому времени относится особенное сближение его с Потемкиным. С ним Петров читал Гомера:

Читать певца Троянской брани

Был, пишут, Александра вкус,

Как сот — Потемкина гортани

Приятен стих любимца муз! *)

¹⁾ Вот ненапечатанное очень любопытное письмо Потемкина, свидетель-

Но Потемкин не брезговал и родным языком:

В ослабу утвержденья духа

И средь приятнейших музык,

Он судит тонкостию слуха,

Чем сладок наш родной язык!

Потемкин и сам был литератором: еще в университете отличался он своими колкими эпиграммами и даже сочинил трагедию ¹⁾. «Люди—все, а деньги—сор», — говорил

Потемкин и действительно сношения его с Петровым были чисто дружеския. Потемкин не раз звал Петрова к себе (в Царское?), Петров благодарил его и отказывался от поездок по болезни. «Желаю, чтоб ангел, который вас хранит, напоминал вам о том человеке, которово вы некогда столь много любили, и, — я боюсь сомневаться, — любите», — пишет он светлейшему («Москвитянин», 1841, I). О близости Петрова к Потемкину можно судить по следующему шутивому письму, написанному в виде челобитной:

«1776

года 4 июня. Спб.

«1) В. Петров жалуется Ево Светлости Генеральс-Адъютанту господину Ефимовичу на курьера, которой разбудил ево в третьем

ствующее, что он знал греческий язык и не был чужд мысли Афинам возвратить Афины, град Константинов Константину:

«Сиятельнейший Граф!

«Милостивый Государь.

«Почтеннейшее Вашего Сиятельства письмо имел честь получить. О племяннике госп.: Ступишина еще Вас осмеливаюся утруждать. Пришли ко мне чебаны, бывшие с скотом в Цареграде, какия же вести принесли, при сем прилагаю. Милости и любовь ваша ко мне обязывают меня от чистаго сердца желать вам всякаго блага, а обстоятельства неумеренныя мои желания учиняют возможными. Естли сие правда что граф Алексей Григорьевич разбил паки турецкой флот у Ема. Он блиско Царяграда. Многие пророчества уже збылись: дай Боже видеть исполнение и сих слов:

χαί φωνή βοήσει τρίτον στήτε, στήτε μετα φόβης σπένουσατε πολλά σπουδαίως εἰς τά δεξιά τά μέρη. ἀνδρα εἰύρητε γενναῖον θαρμαστον χαί ρωμελαιον τουτον ἔξετε δεσπότην χαί αυτου παραλαβότες θέλημα ἐμού πληρεῖτε. Бог вам даст всио, а я только могу себя препоручить в вашу волю и милость и сие правда неоспоримая, так как и то что чистосердечно

«вашего сиятельства

«милостиваго государя

«покорнейший слуга

«Г.: Потемкин».

30 марта

Краиов.

(Внизу другой рукой — перевод).

(И) глас возопиет третицею: станьте, станьте со страхом, поспешите вельми тщательно в десную страну. Обрящете мужа благородна, чудна и крепка. Сего будете иметь владыку. И сего приявше волю (м)ою исполняйте.

¹⁾ Глинка, «Русское чтение», I, 79.

395

часу по полуночи, после которой пробуды он не мог заснуть, и сделался не в состоянии ехать к Его Светлости. Будучи слаб здоровьем, и по причине задумчивости, подвержен частой бессоннице, он почитает драгоценными те минуты, в которых ему случится забыть себя и все суеты сего мира. Какое ж несчастие когда и тех его лишают?

«2) Ежели больше собственная, как г. Ефимович пишет, В. Петрова нужда требует его присутствия в Царском Селе, это мала причина тронуть его с места. Он бросает себя за помет и скоро так все укоротит нужды, что ему до света вовсе дела не будет, а свету до него. Он забьется в такую часть света, где его ни какие курьеры не токмо разбудить, но и найти не могут.

«3) Что до нужды Его Светлости, В. Петров крайне сожалеет, что он не снабден крылами. Он неоднократно покушался садиться в кареты, но за трясеньем оных назад возвращался. Павла Сергеевича (Потемкина?) корета, которая его толь часто в Царское Село возила, к великому несчастию изломалась. От придворного экипажу, которой его таскал по Пбургу, он отказался, из усердия к своему брюху и кишкам. Купить корету не дозволяет мошна. Он ходит пешком, пока ноги носят, и есть ли г. Ефимович дает ему знать, что его присутствие в Царское Село по причине нужды Его Светлости необходимо, то он завтра по утру, отстояв заутреню, пойдет туда пешком, взяв корку хлеба в карман, чтоб не отощать на дороге, и, подпираясь клюкою, докажет, что он из дружбы рад пешествовать (на) край света. Василий Петров просит нижайше г. Ефимовича донести о всем вышеписанном Его светлости и имеет честь быть его усерднейшим слугою».

(Ивану Николаевичу Ефимовичу).

Видимо, Петров пользовался большими связями при дворе. В одном письме Ив. Ив. Комов ¹⁾, воспитанник московской духовной академии, просил (из Лондона) Петрова похлопотать о протоиерее Самборском.

В другом письме (с ошибочной датой 1760 г. вм. 1780 г.) некто Леванидов просит доставить место вице-губернатора А. Ф. Шапкину и чрез то «дать чувствовать правде, что она не совсем удалена в сей просвещенной век».

В 1780 году, Петров, вследствие болезненных припадков, вышел в отставку, сохранив жалованье в виде пенсии 2). С

¹⁾ Ив. Ив. Комов († 1790 г., в Москве) в 1776 году отправлен для изучения земледелия в Англию. После был профессором земледелия в Москве и издал две книги о земледелии (Плавильщиков, № 783 и 784).

2) Н. П. Барсуков. Дневник Храповицкого, 308.

тех пор Петров поселился в своей деревне, на берегу р. Чернавы в Орловской губернии. Ежегодно зимой он ездил в Москву и занимался в библиотеке Заиконоспасского монастыря. В деревне он вел тяжбы с соседями (Ростопчиным и Шереметевым), следил за сельским хозяйством, выписывал инструменты из Англии, учил крестьянских ребят и воспитывал своих детей, угощая их за проступки лозою, которую называл «расплатою».

Вот письмо, относящееся к этому периоду и заключающее в себе кое-какие бытовые черты из жизни русского среднего дворянина конца XVIII века:

«Разставшись с вами, мои милыя, первую ночь ночевали мы в Молоцах, вторую в Липицах за Серьпуховым, третью в Туле, четвертую в Богородске, пятую в Ефремове, шестую дома, на нашем милом пепелище. Так-то скоро меня Чигиревцы мчали, за то я уж дома и поподчивал. В дороге, слава Богу, мы оба были здоровы. Петруши, кажется, получшало. Вася чтоб не забывал писать. Егорка должен его учить и тем платить мне благодарность. Наняли ль вы учителя? Старик, кажется, хорош был. Ох, время упускать не должно: оно дорого. Дом я приготовлю. Я еще никою не высек; а многих пересечь надобно, поберегу до вас.

«Что книги в Питере; идут ли на лад? Что ближе к смерти, то больше читать хочется: было б с чем на тот свет явиться — с добрыми, дескать, делами. Ну так мы, занявшись книгами, худова делать не будем — и то выгода. Корета наша в едакую погоду неоценённа: мы как куры в кромне в ней были теплехоньки: ни вино, ни селцерская вода не замерзли. Нам очень хорошо, только одно худо, что вас с нами нет. Да коли достало в нас великодушия на столько времени разстаться, быть терпеть. Телята вам Кристинины кланяются, их очень много, и они в избенке не вмещаются. Полна ими и ее хата — в добрый час молвить, очень приплодны: есть что кушать. Телятина ваша жареная с нами в Троицкое въехала и теперь наш стол украшает; еще больше половины осталось, разве за несколько дней перед вашим приездом вся истратится: а теперь, право, здравствует и вам кланяется. Послали к вам с сто яиц; вот все что нанесли троицкие куры: еще холодно, а за ними извошикам не стоять стать. Не погневайтесь, что я к вам чрез почту письма не посылаю: оно к вам не скорее бы пришло егово, а писать тоже все; здоров ли Николинька, куколка моя, Лизанька, резвая мошка, и Соня? Егорка со мной не простился, как зломышленной вор ушел в буфет и выглядывал оттуду из подлобья, думая—я ево позову и остановлюсь зделать с ним торжественное разставанье. Мне не предвидится пути в етом парне,

и горе ему, когда отпадет от него мое сердце. Не дай сего, Боже! Но ежели он екой проступок передо мной зделает, будучи годком или двумя постаре — actum est! (=кончено). Сколько я ласков, пока они молоды, столько строг и взыскателен, когда вырастать станут. Беда раздражить меня: наихудшия следствия для непокоривцов выдут; увидите со временем, как я мои милости распределять им буду. Не всякий пришед, да и хап! Невежа очень далеко станет. Теперь они мне все равны. Но для ково я употребил старания больше, с тово и взыщется больше. Новостей я от вас жду: вить вы писать их умеете. Впрочем, кое-чем буду доволен, важное побережем до свиданья. Бумаги осталось, писать не смогу. Поручая вас святой Божьей воле, пребываю ваш весь Петров».

Но и среди деревенской жизни нервные припадки усиливались. Задумываясь над своими сочинениями, он ничего не видел, и по три дня (?) расхаживал по комнате. Сочиняя что либо печальное, он плакал и обратно при веселом сам хохотал. Не смотря на нездоровье, в 1781 — 1786 годах, он издал в свет перевод Энеиды Virгилия александрийскими стихами и посвятил его великому князю Павлу Петровичу. Первая песнь была переведена еще в 1770 году по предложению самой императрицы. Екатерина и сама принимала участия в этом переводе. Петров писал императрице при посылке своего перевода:

Бодлившая меня в течении Минерва

О поприще конца должна ты знати перва...

Верховный судия России и владыка,

Снисходишь судией ты быти и языка,

И речию славян, коль виден в слоги дух,

Не оскорбляется разсудливый твой слух:

Ты матерския мне с приятностью улыбки

Казала некогда в строках моих ошибки.

Российская академия, избравшая Василия Петровича по предложению княгини Дашковой в свои члены в 1783 году ¹⁾, дала устами своего вице-президента Домашнева такой отзыв о переводе Энеиды (собственно первой песни, так как отзыв написан в 1779 году): «Virгилий нашел в господине советнике Петрове страшнаго соперника, и красоты сего избраннейшаго римскаго стихотворца сделались нашим стяжанием посредством прекраснаго сего преложения; желательно, чтоб и образец Virгилиев (т. е. Гомер) был подарен российским письменам сим выразительным прелагателем и чтоб он в сем случае склонился на общее желание, коего один знаменитейший наук покровитель есть побуждением своим в оном ему истолкователем» ²⁾. Как

¹⁾ М. И. Сухомлинов, «История росс. Академии», I, 17 и VII, 39.

²⁾ Материалы, изд. П. А. Ефремовым, 197.

самоуверенно смотрел сам Петров на свой труд, видно из его ответа на предложение Академии принять участие в составлении словаря: «Кто знает, может быть, сочинять словарь многие умеют, а перевести Virгилия стихами, с некоторою исправностью, я один удобен». И. И. Хемницер ¹⁾ выразился иначе: «Перевод стихов в стихи есть то же самое как бы подлинник совершенной уже картины возвратит в брульйон, да и то не в точный — смотри Энеиду несноснаго педанта Петрова». Радищев назвал перевод «древним

треухом, надетым на Виргилия Ломоносовским покроем» 2). В. И. Майков, автор шуточной и несколько скабрёзной поэмы «Елисей или раздраженный Вакх», приветствовал перевод Энеиды эпиграммой:

«Сколь сила велика Российского языка! —

Петров лишь захотел — Виргилий стал заика!

Петров, который и на самом деле заикался, так отозвался о Майкове:

«Что ты гласишь, певец, парнасской полон спеси,

Кричишь так, пьяного во образе Елеси?

Ты за нескладную пяти страниц работу

Желаешь, чтоб тебе поставили киоту?

Нет! эта песня, друг, чрезмерно далеко!

Классики как-то не прививались на Руси, и перевод Петрова, как и многочисленные переводы (преимущественно Новиковских изданий) екатериненского времени других классиков, забыт и уже во времена Сопикова (№ 2,506) составлял библиографическую редкость. Перевод близок к подлиннику, но язык его чрезвычайно дикий с славянизмами, оборотами и словами собственного изобретения, в роде: «в нем сопреди исторженный от плам ушлец несет заблудительные стоны и отрыгивает словеса, мочь, несмотря на предзнаки, в безпечьи реется вперед чтобы умереть, а разум врозь растекся». Недаром митрополит Евгений заметил, что «Петров оглядывался на Тредьяковского и не брезговал иногда самовымышляемыми выражениями, на него похожими». Оды писались прежним порядком. Раз он только разразился мадригалом какой-то актрисе. Заключительная строчка его помнятся доселе:

Три грации считалось в древнем мире;

Родились вы — и стало их четыре!

А. Ф. Малиновский рассказывал, что «Петров писал оды, ходя по Кремлю, для чего за ним носил кто-то чернильницу и бумагу. При виде Кремля он наполнялся восторгом, останавливался и писал».

¹⁾ Сочинения, изд. Грота, 367.

²⁾ Путешествие из Спб. в Москву, Тверь.

В 1788 году, Густав III, король шведский, Дон-Кихот своего времени, начал войну с Россией, придравшись к ссоре из-за моста на пограничной реке Кюмени. При о. Гохланде,

6 июля 1788 года, шведы были разбиты русскими, и Густав поспешил заключить перемирие. Война, впрочем, продолжалась до 1790 года.

Екатерина написала на подвиги Густава комическую оперу «Горе-богатырь», а Петров сатиру—«Приключения Густава III». В виду редкости этой сатиры (даже в перепечатке П. А. Ефремова), мы сообщим вкратце ее содержание. Поэт доказывает, что для шведов

Тщетны все труды:

Густаву в драке нос разбили до руды (крови).

Разбитому на море Густаву является тень Карла XII и спрашивает:

Какой на море звук

Наделал ты, мой внук,

Ажно я в гробе пробудился?

Густав отвечает, что он воюет за-одно с турками:

Беру их к сердцу честь...

Палил за тем, что порох есть.

Как я к тебе приближен,

Великий дед, родством, —

Хочу быть близок удальством;

Затем-то я, взгляни, по твоему острижен!

Карл

Неволей усмехнулся,

Подумавши, никак ума Густав рехнулся,

и отвечал:

Я вижу — ты себя подедовски остриг,

Да волосов в царе важна ли, внучек, стрижка,

Когда чрез то доброт в душе твоей нет лишка?

Все в миру твоего ты деда не достиг!

Густав, обидевшись, напоминает деду Полтавскую битву:

Когда, навек разставшись с славой,

Из боевой стены

Ты первый на утек всем махом побежал

И чуть штаны

На месте, где сидеть им должно, удержал!

Дед три раза кулаком на внука замахнулся,

Три раза от него внук с нуждой увернулся.

оканчивает поэму грозным предсказаньем:

Карл: В последок довершить несчастье

И с ног до головы чтоб в студ тебя облечь,

Судьба из рук твоих исторгнет самовластье,

Служившее тебе, как бешеному, меч.

Представь, что будешь ты тогда,

400

Когда

Златая вольность вновь возникнет

И весь народ ура! ей в радости воскликнет,

Кляня тиранских вслух насилие когтей?

Итак ты был велик не слишком,

Военных после бед,

Презренным будешь ты в Европе королишком,

Иль как ненадобный для царства дармояд!»

Эта восхваляемая «златая вольность» не помешала Петрову так выразиться о близости Густава к народу:

Чернь, разиня рты,

Дивится, смеючись, что ты

Снисходишь без чинов так к публике калякать.

В 1789 году, случайно вспомнили о Петрове. Приказано было в честь Г. А. Потемкина иллюминировать мраморные ворота в Царском Селе и, украся их морскими и военными арматурами, написать в транспаранте стихи. «Екатерина сама выбрать изволила, — рассказывает Храповицкий, — из оды на Очаков Петрова:

Ты в плесках внидешь в храм Софии.

«Ничего сказать не могут, ибо в Софии есть Софийский храм».

В 1791 году, умер Потемкин: смерть его сильно поразила Петрова. Он долго плакал о своем покровителе. «Это был тот орел, — писал он, — на плечах коего сидя, я пел, не боясь молний и громов, будучи уверен, что он меня не уронит, и он не уронил меня, но крепко берег».

На гравюру, изображавшую смерть Потемкина, Петров написал следующие стихи:

О вид плачевный! смерть жестока!

Кого отъемлешь ты от нас?

Как искра, во мгновенье ока,

Герой, твой славный век погас ¹⁾!

Потемкин, действительно, был покровителем литературы:

Не тяжек праздных слов примесом,

Красот во слоге он пример:

Когда б он не был Ахиллесом,

Всемерно был бы он Гомер!

Впрочем Екатерина продолжала покровительствовать Петрову, состоявшему по официальным спискам при особо порученных от ея величества делах.

В 1793 году, Петров напечатал оду на торжество мира, где он возносит Екатерину такими стихами:

Уста ея — уста суть сладость,

И речи — пренебесный слог;

¹⁾ «Русская Старина», 1875 г., т. X, стр. 252.

Ея воззреньё — смертным радость:

Улыбка — жизнь; она вся — Бог.

Ода эта была отправлена к императрице при следующем письме:

«Всемиловнейшая государыня! С достождным благоговением приношу в. и. в. напечатанную мною оду на торжество Мира, которую и имел, может быть, непростительную смелость послать пред сим к в. и. в. чрез чужия руки. Как все смертные, от них же перьвый есьмь аз, подвержены разным погрешениям, признаюсь с сожалением, что я не к стати поручил в опеку мир Громодержцу. Резвые подданные в. и. в., которые противу моего чаяния в доме моем умножились и коих по нещастию я так горячо люблю, что кажется не отказался бы для них поднять Етну гору на плечи мои, завели меня в сии погрешность. О! сии розы, милыя дети, коими родители столько веселятся, — сии розы имеют свои терния. Повидимому, надлежит радостию восхищаться. Дети суть дар Божий (sic), дар природы: но при всей моей радости, я принужден буду припасть с горькими слезами ко стопам земнаго Бога (sic!), дабы благоволил поправить надо мной милости Небеснаго, которыя без того могут подавить меня, и я, увы! лягу погребен под собственным моим щастием. К кому же я воззову, как не к Той, на Кого языки уповают; Коя есть Мать отцов и сынов, матерей и дщереЙ. Хотя заутра мне выйдет череда умереть, я умру с Богом и с надеждой на Нью. В. и. в. всемиловнейшей государыни всеподданнейший «В. Петров».

Письмо отправлено 6-го, получено 11-го декабря, и на нем находится отметка: «по сему писано к Василю Петровичу Петрову 20-го декабря 1793 году»; значит, Петрова не забыли, и он еще не сделался, по его собственному выражению, «закарманным» стихотворцем.

В том же году, императрица сама исправила некоторыя места в оде Петрова на присоединение польских областей, вновь напечатала ее вместе с посланием его же и отослала Василю Петровичу в Москву при милостивом письме. В послании Петров пишет: «хотя о сем происшествии молебен пет, но из пушек не палили и мной овладело сомнение пристойт ли мне заряжать стихотворным громом идеи в описании дела, кое кончилось безшумно. Но появление бога реки Днепра, который принял на свой «отчот» всю худобу или изрядность песни успокоило поэта и вот он теперь уже на яву беседует с истинною богинею» ¹⁾. В этой оде наиболее любопытны те строфы, где Петров говорит о славянском единстве:

¹⁾ «Москвитянин», 1849, V, 3, 7.

К ружью! о храбрые славяне...

Родоначальник ваш един...

Приидет некогда то время,
В которо все Славянско племя
В честь Норда препояшет меч,
Росс будет телеси главою,
Тронув свой род побед молвою,
Он, каждый в расточеньи член
Собрав, в едино совокупит
И, тверд родствами, гордо ступит
Меж всех в подсолнечной колен!

В 1796 году, скончалась Екатерина. При известии о ея смерти с Петровым сделался удар, но это не помешало ему написать в декабре 1796 года: «Плач и утешение России к е. и. в. Павлу Первому». Луч от Бога, упрясь в Павлов лик, остановился, и

В той же час

Услышан свыше глас:

«Чтоб свет узрел, кто Ты, во грудь Твою едину

С Великим я Петром вмещу Екатерину!

В 1797 году, во время коронации Петров написал еще две оды Павлу и хлопотал о их поднесении. Вот что писал он неизвестному нам, питомцу муз, приближенному Павла I.

«М. Г.

«Как питомцу Муз смею я при сем сопроводить в ваши руки несколько строк моего сложения, посвященных Его И. В. Стыжуся назвать их стихами, ибо в них не наблюдаена мера стоп; а только видно, что писана ямбами. Его В., сказывают, стихов читать не изволит. Правда, перед ним лежит превеликая с широкими листами книга—Россия; без наших стихов есть что Его В. перебирать руками, пересматривать очами; при всем том я льщусь надеждою, что из ваших рук Его В., может быть, и мое приношение удостоит милостиваго воззрения: сего одного преимущества я и желаю, в том состоит весь мой Парнасской лавр. Его В. в Москве благоволил принимать милостиво разныя ему в дар приносимыя вещи, цветки, узорочно вышитыя штучки: и я ему подношу мое рукоделье. Первой труд, за тридцать без мала лет пред (сим) посвятил я престола Российскаго Наследнику, теперь последней, ибо старость и дряхлость не дозволяют мне более помышлять о стихотворных подвигах, посвящаю ему, Всероссийскому Самодержцу—поздо, правда, но то люди, молодые, а я старик шестидесятилетний и подверженной частым болезням. Дети, кто чем умеет тешут своего отца. В Немецких ведомостях читал я, что едут из чужих стран живописцы представлять на картины наше тор-

жество; так я подумал, что сие будет не неуютно Его Им. В. и всем, кто его любит, ежели россиянин опишет ту радость каковым ни есть пером, которую чужестранные усерствуют изобразить кистию. Здесь нет оказания ума или искусства, а изъясняется одно только чувствование сердца и приносится жертва чистой души, не ищущей ни корысти, ни славы. Я стар и болезнен: мне надобен только покой и ежели представительство вашим, под сильною десницею Его Импер. Вел., возмогу я провести остаток дней моих в том же самом состоянии, каким я донныне пользовался, я сие сочту за особое Неба ко мне благоволение. Поручая вашей доброте жребий моего сочинения и мой, с должным к вашей особе почтением имею честь быть

«Вашего высокородия

«милостиваго государя

«преданнейший слуга П.»

Но время Петрова прошло. Положение его превосходно очерчено им самим в следующем замечательном для характеристики и самого Петрова да и всех тогдашних литераторов вообще письме к родным:

«На прошедшей почте послал я вам приветство к Императору хоть поздно, да ране нельзя было. Я б доволен был, кабы вы их напечатали по последнему моему письму, а не по первому. Перьвой замысел мой плох и бросал в грязь меня лицом. Ежели двор в Москве, может быть, какой нибудь вельможа мой слог или лучше мою искренность и похвалит; а коли нет, пусть православные читают, а я будто Москве и Царю должную заплатил подать. Станется и мне чтоб нибудь, кабы я там был, а станется б и ничего. Многие подарены, кои и в Москве не были, а многие чай обойдены, между коими б может был и я. Да и кто может всю Москву обдарить? Вить, душенька, пусть представляют любимцы своих любимцев, знакомцы знакомцев, да так-то и получают добренькое-то. Но за твоего супруга мало предстателей; да кому я что пишу, так мне и ответу нет. А стишки-то наши, душенька, человек пять—шесть почитают; да у них вотчин нет наградить нас за едакую безделушку. Еще, может быть, в доступлении до Императора мне б кишки выдавили; а трудно б мне найти было предстателя, разве б где ему подать на дороге. Да я думаю, что ты меня и без вотчины любить станешь, так я, поверь мне, душа моя, окончу мой век без роптания. Правда, таково милостиваго Государя не видать я почитаю за несчастье, да как быть: пролитое уже не схватишь. Я бы рад его встретить на дороге и не обленился б поехать даже в Курск или в Мценск, да кто знает путь, да у меня жь и платья нет. Коли ты меня снаб-

дишь всем, я действительно поеду искать Императора: я скажу ему речь, которая уже у меня и готова, и клянусь тебе Богом, я б ласковым его словцем столько был доволен, сколько Самборской ¹⁾ пятисотною вотчиною. Тут бы может бы свиты с ним было поменьше, так бы, может быть, предстать пред нево удалось; а то, что ты думаешь, — и придешь да не пустят; да я жь и тово не знаю, в веселых платьях ходят или в трауре. Да вот вить! чай и Карамзин пролез к Императору, да что то ево между вотчинниками в

списке не стоит, а детина-то, детина-то—какой умник! Так вот моя участь была б, может быть, с ним равна. Паршивья лирики! суемся же получать вотчины дешевенько, не потерять бы что нажито, а на чужое нече зубы скалить. Долг мой воистинну велит мне самодержцев славить; да что когда они ету грамату не любят: вить силой мил не будешь. Ты думаешь пишешь к Императору и льстишься быть прочтен; ан читает тебя хохоча Ево Величества секретарь, и скажет ему про тебя что изволит, а коли разсудит, вовсе промолчит. Мудреное для музы моей время. Но, может быть, я в пользу свою растворю Императора, сподобясь ево увидеть: не лучше ли подействует Цицеронщина, когда не помчит Виргилиевщина: вить мужениок твой удал и на то. Кабы мне волю дали, я б, кажется, смог прослыть царским витием, так как я некогда слывал карманным Екатерининым стихотворцем. Ну, полно шутить, станем дело говорить. В следующую почту напишу я еще тебе письмо, да оно чай вместе с етим приедет, а больше писать не буду. Жду вас с нетерпением, как Богу рад. Привози все нужное для меня с собою: чулки, шляпу, кафтан белой, черной, да коли без траура ходят, нельзя ль достать пряжечек, а коли траур носят, и те хороши, правда они облезли, да сталь подходит под траур. Коли напечатала стихи мои, пришли мне несколько экземпляров 5—6, да привезите с собою и прежняго сочинения несколько. Будьте здоровы и веселы; не тужи, матка, о вотчине, еще дни впереди; накопим економиею. Не очень щеголевато поступил Селивановский 2); не умел же он меня одолжить, а, может быть, и не мог».

¹⁾ Протоиерей А. Самборский († 1815), настоятель церкви в Лондоне, потом наставник великих князей Александра и Константина Павловичей, уже не раз упоминался нами. Кажется, что под его начальством, как главного надзирателя школы земледелия в Царском Селе, служил и вышеупомянутый И. И. Комов, писавший о семейном положении Самборскаго императрице из Лондона.

2) С. Селивановский—известный типографщик. Вот что пишет о Петрове Н. С. Селивановский: «Будучи еще у дяди (содержателя типографии Пономарева) наборщиком, отец мой хаживал с корректурой к известному писателю Петрову, который полюбил проворнаго мальчика и всегда ему покровительствовал, называя Сенюшей. Петров был приятель Н. С. Мордвинову,

405

Литературная деятельность Петрова кончилась с двумя одами на рождение в. к. Михаила Павловича (1798 г.) и путешествие в. к. Константина Павловича. Он погрузился вполне в домашнюю жизнь и научные занятия и, между прочим, на 60 году жизни выучился новогреческому языку. Здоровье его делалось все слабее и слабее, но он не изменил строгаго образа жизни, спал только час и не принимал лекарств.

Когда пред смертью хотели изменить порядок дня, он, призвав сына, сказал, «чтоб все шло своей чередой, которою и его плоть умирает».

Умер он в 1799 году декабря 4-го (по другим 1800), исполнив христианский долг и завещая детям хранить любовь и согласие и почитать добродетель.

Петров имеет право на место в истории русской литературы. Он не был поэтом: ни целостности мировоззрения, ни периодов развития, ничего выдающагося в его

литературной деятельности не видно. Но нельзя отрицать его таланта и некоторой оригинальности мыслей, особенно в сатирах. Фактура его стиха, его язык — невозможен. Митрополит Евгений ¹⁾ верно заметил, что «Петров стихотворец, но не на русском языке. Пусть его переведут на другой язык, тогда будут им восхищаться так точно, как Кантемиром на французском языке». С последним нельзя согласиться. Оды Петрова надуты и холодны, а сатиры неглубоки, хотя и заслуживают большого внимания: в них он, к сожалению, отделяется, большею частью, общими местами: о равенстве людей по уму, о тщете знаков отличия, любви к отечеству и обманчивости света. В Петрове, как в человеке, так и в писателе, не было ничего особенно выдающегося. Он был человек прежде всего себе на уме, умный, образованный, с большим запасом мыслей, даже талантливый, но таланты его ушли на малые дела, других интересов, кроме эгоистических, у него почти не было и он исчез

Не бросивши векам ни мысли плодovитой,

Ни гением начатаго труда.

Прилагаемый к настоящей книжке «Исторического Вестника» портрет Петрова сделан с подлинника, находящегося в Академии Наук. Другой портрет в Импер. Пуб. Библиотеке в нижней ротонде (ср. отчет 1875 года, стр. 108).

И.

Шляпкин.

тогда адмиралу черноморского флота, и определил Селивановскаго в Николаевскую типографию. Этому Мордвинову Петров написал оду, может быть, единственную по искренности из всех его од».

¹⁾ Сборник II отделения Академии Наук, V, стр. 140, 150, 173.